

«Не хлебом единым жив человек»
«Non in solo pane vivit homo»

23 февраля 1455
первое воскресенье Великого поста («Invocavit»)
Бриксен

1. «Не хлебом единым жив человек, но и всяким словом, исходящим из уст Божиих»¹.

Заметь, что человек как интеллект кормится словом. Иисус сказал Петру: «Корми [и паси] овец»². «Кормить», следовательно, означает словом Божиим поддерживать жизнь. Учитель кормит учеников словом. Слово есть «свет от света»³, по слову пророка: «светильник ногам моим слово Твоё»⁴. Посредством света, который в нём, слово просвещает и «даёт понимание (*intellectum*) младенцам»⁵. Интеллект, таким образом, кормится словом.

2. Рассмотрим человека, который кормится хлебом, и человека, который кормится словом. Кто кормится хлебом, тот, приняв этот хлеб, разжёвывает его зубами, затем проталкивает разжёванное в желудок, где, прилагая жидкость, переваривает и перерабатывает, чтобы отделить тонкое от грубого. Это первое переваривание, потом есть ещё второе, чтобы, из того тонкого снова выделив грубое, получить ещё более тонкое; затем переваривает ещё и в третий раз; и в четвёртых, питательное вещество готово к усвоению природой питаемого.

Так же происходит и отделение вещей, которые должны стать кормом интеллекта. Первое отделение тонкого происходит в чувствах: видимые образы, оставив грубую телесность, сохраняют духовность предметов. Второе происходит в общем чувстве, или воображении. Третье – в разуме (*in ratione*), где интеллект находит очищенное питательное вещество: умопостигаемую форму, или идею, которая усваивается интеллектуальной природой. И вот этот составляющий [в конечном итоге] питание разум и есть слово, или «логос»⁶. Звучащее слово – как бы «небо», которым разум словно говорит обо всякой вещи всё, что у него под этим «небом» есть. В речи всё присутствует как означенное в знаке. Некий благочестивый муж говорил даже о существовании «шестого чувства», назвав его «высказыванием» (*affatum*)⁷: мы ведь говорим обо всём, что

¹ Мф. 4, 4; «жив» (наст. время) так в Вульгате; чтение: Мф. 4, 1-11

² Ин. 21, 17; «pascere» - «пасти» и «кормить» одновременно; «пасти» - в смысле обеспечивать кормом

³ «lux de luce» - ср. из Ник-Конст. символа: «lumen de lumine»

⁴ Пс. 118, 105

⁵ Пс. 18, 8; ср. цсл: «умудряет младенцы»

⁶ «logos» традиционно переводится как «verbum» и «ratio»

⁷ см. Раймунд Луллий, «Ars inventiva» dist.3, pars 2, q. 237-246; «De virtute veniali» cap. 6

думаем⁸. Речь - хлеб души и семя, как бы пшеничное, жизни, содержащее в себе питательную силу. В звучащем слове дан разум, или свет разума, который постепенная абстракция через чувство и воображение выводит к ступени логического рассуждения (*ad ratiocinativam*), где он, как золото, очищается.

3. Абстрагирующее «переваривание» снимает с питательного вещества всю его оболочку, т.е. то привходящее в нём, что отделимо и тленно, ибо питанием является только простая и беспримесная, нетленная и окончательная истина. Интеллект питается абстрагированной размышлением чистой беспримесной чтойностью и нетленной сущностью⁹, как глаз – видом красивого цвета. Вид красивого цвета, доставляя наслаждение, питает зрение, а абсолютный вид, или идея (*species*), красоты, в силу которого является красивым всё, что красиво зрению и приятно чувству и что всегда так или иначе ограничивает его отражённый свет, есть питание для умозрения, [или зрения интеллектуального]¹⁰. Причём, не став абсолютной и отделённой от всего красивого, красота не будет простым, нетленным и услаждающим питанием нетленной и интеллектуальной души. «Из чего состоим, тем и питаемся»¹¹. Тленная пища несоизмерима с нетленной. Поэтому питает не отражение красивого в тленных красивых вещах, а только истина, которая в них отражается. Поэтому отражение её очищают от всего того, в чём явлен её след¹², чтобы посредством очищенного подобия можно было созерцать её интеллектом без *гадания*¹³, т.е. без воображаемого вида, хотя ещё и не полностью [и не абсолютно] отрешённо от всей привносимой душой конкретной ограниченности.

Допустим, некто пытается увидеть истину своего лица во множестве своих живописных и скульптурных портретов: он тогда отделяет (*absolvit*) вид, или фигуру, которые обнаруживает в различном материале, от всякой телесной ограниченности. Он не смотрит ни на золото в золотой статуе, ни на глину в глиняной, ни на размер большой или малый, ни на что подобное, но различие конкретно ограниченных своих портретов сводит как можно проще и чище путём абстракции к одному общему лицу, в котором все различия конкретных портретов возвращает к единству. Однако само его лицо, которое он ищет, есть лицо истинное и живое, поэтому в очищенном воображении и «гадании» он его таким, каким хочет увидеть, не находит. Ему, однако, удаётся усмотреть живую

⁸ в целом пассаж не очень понятен; другой вариант: «Звучащее слово – как бы «небо»; разум словно говорит этим «небом» обо всякой вещи всё, что для него внутри этого «неба» заключено, и в речи [его это] всё дано как означенное в знаке. Некий благочестивый муж говорил даже о существовании «шестого чувства», назвав его «высказыванием»: мы ведь [называя то или иное понятие] говорим обо всём, что для нас этим понятием охвачено (*quae concipimus*)». Ср. также: Августин, «На Евангелие от Иоанна» XIV, 7; Ансельм Кентерберийский. «Монологион» X.

⁹ об абстракции – см. «О равенстве», 3 слл.; о питании ума чтойностью: CCLXIII, 23

¹⁰ о питании красотой и цветом: CLXXXIX, 3; CCLXXV, 19

¹¹ Аристотель, «О возникновении и уничтожении» II, 8 335 a10-11; «Auctoritates Aristotelis» IV, 36

¹² «in quo vestigium apparet» - отсылка к Августину, «О Троице», VI, 10 (12): «Trinitatem intellegamus, cuius in creatura quomodo dignum est apparet vestigium». Само выражение – см. Сир. 50, 31: «свет Господень – след Его» (цсл.)

¹³ 1 Кор. 13, 12

подвижность своего лица в ближайших подобиях, как в очертаниях изображения удаётся усмотреть неизобразимый смех или плач.

4. Нужно заметить, что интеллект наш питается умопостигаемыми идеями так же, как зрение радуется красивому виду. Хлеб, сам не живой, животворен (по приведённому здесь слову Христа), и слово, само не живое, тоже животворно. Красивый предмет пробуждает душу к радости, и она начинает источать радость; и точно так же [пробуждённый] самым сладостным своим предметом интеллект¹⁴ тоже начинает источать из себя собственную жизнь. Возлюбленный и желанный предмет, предлагая себя мысли пробуждает радость; и тем самым любовь оказывается животворна и представленный в слове предмет животворит тоже. Ибо пробуждение радости - это и есть вливание жизни. Интеллект, таким образом, находится в непрерывном движении жизни и радости, при условии что его вожделеннейший предмет всегда с ним. Это, однако, невозможно, пока интеллект *несвободен от тела смерти*¹⁵, попечение о котором отвлекает его от такого созерцания.

Подумай, что жизнь нашего интеллекта есть образ и подобие той жизни, от которой происходит. Разница между нею и жизнью божественной такая же, как между светом солнца и светом нарисованным, или между настоящим огнём и огнём нарисованным; ибо Бог – *солнце правды и огонь поядующий*¹⁶ - бесконечно превосходит образ. Мы питаемся, следовательно, тем способом, какой соответствует нашей природе, т.е. затемнённым в этом мире свечением, или словом, истины.

5. Рассмотрим внимательно: интеллектуальная природа, будучи нетленной, не нуждается в пище, подобно тленному животному, для поддержания сил. Но так как человек после любой печали возвращается к радости как к форме жизни, без которой жить не захотел бы (считается, что человеку лучше совсем не быть, чем быть в постоянной печали), то радость, я полагаю, это как бы ощущение жизни¹⁷. Человек ощущает себя живущим благодаря этому духу, или теплу; жить же и притом себя живущим не ощущать значит, пожалуй, просто терпеть жизнь как тягость (что явствует из того, что здоровье – то, к чему стремятся более всего)¹⁸. Так что рассматривай жизнь без ощущения [жизни], т.е. без радости, как жизнь бесформенную, лишённую формы жизни.

6. Ничто, кроме влюблённости и кроме любви¹⁹, радости породить не может, поэтому любовь есть дух жизни. Однако любовь исходит только от узнанного бытия (нельзя влюбиться в то, чего нет, или что, хотя и есть, но неизвестно²⁰); с

¹⁴ предмет (objectum) интеллекта – истина

¹⁵ Рим. 7, 24: «кто избавит (liberabit) меня от сего тела смерти?»

¹⁶ Мал. 4, 2; Втор. 4, 24 и Евр. 12, 29

¹⁷ ср.: CCLVII, 5: «Радость есть некое разумное осознание, или ощущение, каким дух ощущает собственную жизнь»; также: CC, 5

¹⁸ см. CCXXXII, 5 и прим.

¹⁹ «amor seu caritas» – ср. из службы Страстного Четверга (Антифоны на умовение ног): «Ubi caritas et amor, ibi Deus est»

²⁰ ср.: CLXXII, 2; CCXXXVII, 12 и прим.

другой стороны, знание есть знание вещи; тем самым от знания рождается знание вещи, а от обоих исходит влюблённость (*amor*). Но когда эта вещь – [сама] любовь (*caritas*), а это знание – знание любви²¹, то тогда исходящая от обоих влюблённость есть дух, который превыше всего и неистощимо радуется, т.е. животворит, [другой] дух, тот, что вкушает эту радость. Именно так питает любовь, которая никогда не перестает²², причём это питание лучше всего усваивается в подобии, вроде того, как видение любимого питает чувство влюблённого. Поэтому Учитель истины и говорит, что *жизнь вечная* состоит в вечном видении Бога, Который *есть любовь*²³.

7. Заметь, в любом вопрошании возможны лишь два вопроса: «есть ли?» и «что есть?»²⁴, ибо [от них] исходит животворная влюблённость. Цель всякого разыскания – достичь любви (или *Духа животворящего*²⁵) которая есть следствие из [названных] предпосылок. «Есть ли?» относится к бытию, которое от Отца; поэтому всякий вопрос «есть ли?» спрашивает о причине сущего, т.е. об этом Отце и Творце. А всякий вопрос «что есть?» спрашивает не о чем ином, как о причине знания, т.е. о Сыне Отца, т.е. о Слове, Разуме, Премудрости, или абсолютном знании (*notitia*) вещей.

И если добратся до формы бытия, а от неё – и до формы знания, то способом исхождения возникает форма наслаждения. И не так, что форма бытия отличается от формы познания, а форма познания – от формы наслаждения, но так, что есть форма форм бытия, есть также и форма форм познания, и форма форм наслаждения, хотя форма бытия в форме форм рождает из себя форму познания, – знание ведь рождается от бытия, и начала бытия суть начала познания, – а от формы бытия и формы познания в форме форм исходит форма наслаждения.

Далее, чтобы достичь *Духа животворящего*, нашему интеллектуальному духу относительно «есть ли?» не требуется ничего, кроме чувственного познания, благодаря которому он, не уставая ощущать вещи, ощущению доступные, в удивлении обращается к вопросу, «что есть то, что он ощущает?»²⁶ И как к телесному зрению он прибегает, чтобы увидеть всё ощущаемое – ощущая запах, обшаривает взглядом, чтобы увидеть источник запаха, слыша звук, пытается увидеть, откуда он исходит, и т.д. – так и само зрение с любопытством исследует, откуда извне возникает ощущаемое, и пока не увидит, не считает, что в совершенстве ощущает всё, что может ощутить. Тем самым зрение – это как бы форма ощущений.

²¹ «*caritatis notitia*» - ср.: Еф. 3, 19; CCLXVIII, 13

²² 1 Кор. 13, 8

²³ Ин. 17, 3; 1 Ин. 4, 16

²⁴ см. прим. к «О равенстве» 13; также: «Конъектуры» I, 5, 19-20; 6, 24; «Простец о мудрости» II, 30, 5; «Теологические дополнения» 2 (и прим.); СХХХ, 7

²⁵ 1 Кор. 15, 45

²⁶ см.: «Теологические дополнения» 11 и прим.

Исследование же касательно ощущаемого, что́ оно есть такое, происходит посредством разума, [или рассудка]²⁷. А «оком», или зрением, рассудка является интеллект, и он не удовлетворится, пока не увидит, «что́ есть», даже если уже многократно ощутил или коснулся этого в рассуждениях рассудка²⁸. Едва же что́йность что́йностей, или первопричина - та, что впервые дала о себе знать через ощущение, - покажется ему, и тут же душа льнёт и прилепляется к ней в любовном объятии, и тогда постоянное присутствие предмета животворит дух движением радости (о чём уже сказано).

8. Обрати внимание, как нужно смотреть на разницу между нашим интеллектом и божественным. Мы мыслим (*intelligimus*) только то, к чему обращены, поскольку сила действительного мышления в нас конечна и поэтому может действительно помыслить только то, к чему она, собравшись воедино, обращается (в чём похожа на зрительное чувство)²⁹. Конечной силе по причине её недостаточности требуется быть воедино собранной: собранное сильнее рассеянного. Но чем собраннее, тем проще и острее; так собирается в острый угол пламя огня, и где оно собраннее, там сильнее обжигает. Тогда как интеллект Божий, будучи не конечным, а бесконечным, в силу этого мыслит и созерцает в себе сразу и вдруг всё вместе и каждое в отдельности, о чём сказано в книге «О видении Бога»³⁰.

9. Рассмотрим «*время благоприятное*»³¹ - нынешнее, когда всё получает обновление. Дети в это время идут в школу, а желающие преуспеть в правиле христианского благочестия должны сейчас задуматься о *дне спасения*³². «*Ополчение есть жизнь человека на земле*»³³, однако для христиан эта *брань* – с *духами*³⁴, чтобы, победив, оказаться принятыми на их место и вступить в Царстве Небесном в обладание тем наследством, которым прежде обладали эти враждебные нашему спасению духи.

«*Всякое Христово деяние нам предписание*»³⁵, тем самым, Он есть *путь*, которым мы должны ступать, следуя за Ним. Он и *истина*, чьё учение непогрешимо. Он и *жизнь*, к которой стремимся³⁶. Будучи Сыном Божиим, Он Самим Собой указывает, как нам сделаться сынами Бога: «*тем, которые приняли Его, дал власть быть сынами Божиими*»³⁷.

²⁷ два основных у НК значения «ratio» - (1) «разум» как божественный Логос и (2) подчинённый интеллекту «рассудок» - в этом тексте переплетены в контексте основной темы: слово-ratio есть питание ума-интеллекта (см. §2 выше)

²⁸ об отношении разума-рассудка (ratio) к интеллекту см.: «Конъектуры» II, 16, 161; СХХХ, 5

²⁹ см.: CLXXII, 11

³⁰ «О видении Бога» II, 7; VIII, 29

³¹ 2 Кор. 6, 2

³² там же

³³ Иов 7, 1: «*militia est vita hominis super terram*» - однако синод.: «определено человеку время на земле», цсл: «искушение житие человеку на земли»

³⁴ Еф. 6, 12

³⁵ «*omnis Christi actio nostra est instructio*» - см. прим. к ССХХI, 3

³⁶ Ин. 14, 6

³⁷ Ин. 1, 12

Поэтому в первую очередь нужно *обновиться умом и возродиться духом*³⁸. Такое возрождение, или обновление, внутреннего человека совершается верою через омовение внешнего человека в таинстве³⁹. Верою мы получаем силу против силы нечистых духов, и это потому, что верою в нас вселяется сила Творца Вселенной и даётся нам *Дух благой выводящий нас на землю благую*⁴⁰ - туда, где полное веселья нетленное жительство, где пищей служит радость. Однажды возродившимся в священнейшем таинстве веры – крещении, где мы принесли исповедание [веры], нам всегда требуется усилие устоять в этом исповедании, и из-за не отступающего от нас *ветхого человека*⁴¹ необходимо по многу раз счищать с себя, отбрасывая прочь, наросты мерзости. Как каждый год очищают и подрезают однажды посаженное в добрую землю дерево, так и с нашего по природе своей производящего *терния и волчцы*⁴² поля необходимо, чтобы приносило плод добрый и многий, вырывать с корнем дурные травы.

10. Христианская религия состоит в почитании единого Бога; это почитание свойственно всякой разумной душе и является религией строжайшей⁴³ и совершеннейшей, хотя предписаний в ней только два: любить Бога и ближнего, - ибо в любви содержится весь закон её⁴⁴. Однако, чтобы мы истинно выполняли этот закон, написаны [вдобавок] все прочие, какие есть, евангельские уставы и наставления.

Эта религия открыта нам с неба облекшимся в нашу природу Словом, истинным Учителем Иисусом Христом. И как учениками святого Бенедикта являются те, кто хранят и исполняют его правило, так [учениками] Христовыми являются те, кто [хранят] любовь (dilectionem). Но в любви (in caritate) присутствуют и вера, и надежда, любовь не может быть истинной, если в ней не свёрнуты все добродетели. Ни правило святого Бенедикта не иное любви, ни правило святого Франциска, ни общие каноны и т.п., но все эти правила суть способы более лёгкого стяжания любви.

11. Далее. При всяком правиле необходимо быть начальствующему вождю, в котором был бы дан образец соблюдения правил, который руководил бы прочими словом и примером, ежегодно посещая паству с визитациями. Таков понтифик - преемник Христа, как аббат – преемник святого Бенедикта. Один аббат может быть генералом над многими другими приоратами, как понтифик – над приходскими священниками⁴⁵, которых берет к себе в со-работники, подобно Христу, Который, увидев, что *жатвы много, а работников мало*⁴⁶, взял апостолов в со-работники. Понтифик – пастырь, чья обязанность посещать с

³⁸ ср.: Еф. 4, 23

³⁹ Тит. 3, 5; «lavacrum regenerationis» - синод. «баня пакибытия»

⁴⁰ Пс. 142, 10: «Дух твой благий наставит нас на землю праву» (цсл)

⁴¹ Рим. 6, 6; Еф. 4, 22; Кол. 3, 9

⁴² Быт. 3, 18

⁴³ «religio strictissima» - вар: «связью с Богом теснейшей»; «религия» как связь - см.: CCLXVI, 1

⁴⁴ Мф. 22, 37-40; Рим. 13, 8-10

⁴⁵ «понтифик» здесь – это епископ вообще, не обязательно папа, который среди прочих понтификов «верховный понтифик», «pontifex maximus»

⁴⁶ Лк. 10, 2; «operarios» - синод. «делателей»

визитацией стадо и всю свою Церковь в качестве наместника Христова, в ком закон Христов должен словом и примером сиять ярче, и кто ведёт себя как инструмент Христа, как раб и инструмент Господа своего. Но верный раб должен знать волю господина, исполняя её. Поэтому епископ должен быть учёным, знающим волю Господа, записанную в священных текстах, т.е. в *ветхой и новой «инструкции»*, каковая «инструкция» содержит последнюю волю и «завещание» Бога⁴⁷.

Та же «визитация» с которой отдельно бывает посещаем каждый наедине, совершается в таинстве покаяния, в котором необходима устная исповедь, чтобы узнать расположение каждого и каждого преобразить (*ut reformet*). Дни эти суть *дни посещения*⁴⁸ и *дни спасения*⁴⁹.

ЗАМЕЧАНИЯ

12. Заметь, как Альберт Великий в своей книге «О душе» говорит, что абстрагирование есть не что иное, как приведение к простоте⁵⁰. И ещё в той же книге, как и в комментарии к Дионисию, утверждает что «ум» называется так от «измерения» (*mentem a metiendo*)⁵¹; мне это тоже стало очевидным, когда писал книжку «Об уме»⁵².

Ещё помни, что восходящий от сердца к мозгу пар, или дух, попадая в сеть [капилляров] делается тоньше, и когда вот так с помощью сети утончится, попадает в первую очередь в переднюю ячейку мозга, [где] этот дух, или пар, очищается, благодаря чему, когда нисходит [затем] через ноздри и рот, является взору белым и имеющим плотную природу. Белый, или светлый, он подобен размятой глине, из которой гончар лепит, что ему угодно. Природа посылает этот дух по нисходящим из названной ячейки артериям к органам [чувств]: глазу, уху, и т.д.; и как только орган ощутит что-либо, та способность души, что находится в ячейке⁵³, творит в этом очищенном паре образы по подобию того, что ощутила, а затем отсылает их в затылок, в сокровищницу памяти. Об этом в другом месте⁵⁴.

13. Христос сказал: «*Душа Моя скорбит смертельно*»⁵⁵. И ещё говорит: «*Дух бодр, плоть же немощна*»⁵⁶.

⁴⁷ игра слов: «*instrumentum*» - «орудие» и «юридически значимый текст»; «*testamentum*» - «завещание» и «Завет» (библейский); ср. также CLXXXIX, 16

⁴⁸ 1 Пет. 2, 12; Ос. 9, 7; Ис. 10, 3

⁴⁹ 2 Кор. 6, 2; Ис. 49, 8

⁵⁰ «*abstrahere non sit nisi simplicare*» - см.: Альберт Великий. «О душе» III, tr.2, c.19: «*abstrahere formas intelligibiles, quod nihil aliud est nisi facere eas simplices et universales*»

⁵¹ там же, tr.4. c.9; «На Имена Божии» IV, 219; VII, 1

⁵² «Простец об уме» I, 57

⁵³ т.е. воображение (см. там же, VIII, 114)

⁵⁴ см. там же, VIII, 112-115

⁵⁵ Мф. 26, 38

⁵⁶ Мф. 26, 41

Таким образом, имеем три вещи: дух, душу и плоть. *Скорбь* достигла не духа, который был *бодр*, а души, которая была душой *немогущей плоти*. Однако воля Божия, коей был послушен дух, возобладали над волей человеческой: «[Впрочем] не как Я хочу, но как Ты»⁵⁷.

Отметь, что, оказавшись в *агонии*, дух был укреплен Богом⁵⁸. Дух - ближний крепкому Богу; душа - ближняя *немогущей плоти*. Между Богом и плотью расположена среда, как и между небом и землей имеется некая опосредующая область, которая в части, примыкающей к земле называется «воздухом», а в части, примыкающей к небу, называется «эфиром». Возмущения, производимые восходящими от земли испарениями не проникают выше пределов воздуха в область эфира. На горе Олимп философы на опыте убедились, что даже написанное на песке там никакой ветер не сдувает, поскольку гора эта возвышается над пределами воздушной среды⁵⁹. Так и возмущения плоти не достигают духа. Душа получила своё имя от воздуха; эфир - от света огня⁶⁰; причём, эфир, или огонь, - не что иное, как тонкий воздух. Огонь влияет своей силой на землю посредством воздуха. Тело наше - из земли⁶¹.

Отметь ещё утверждения философов, что рождаемая землей вегетативная жизнь определяется влиянием неба. Небо движет эфиром, а посредством эфира и воздухом, посредством же воздуха - водой. В том, что способно ощущать, «небеса» они относили к благородной душе; в людях - к интеллигенции, и т.д. Другие же - в способных ощущать - к интеллигенции, а в людях - к Богу, и эти последние вернее⁶².

14. Отметь разницу между деланием Бога и деланием человека. Горшечник может дать выражение своему замыслу только в пригодной для этого глине, причём ни всё в целом, ни отдельные части не создаёт сразу, тогда как Бог [сотворил] всё сразу⁶³, ибо «творит, что хочет»⁶⁴. Наш моментальный замысел не развернуть иначе, как во времени, подобно тому как понятие десятичного единства [не развернуть] иначе, как в числе. Сосуд, форму которого гончар замыслил, едва собравшись работать, он производит из глины часть за частью; Бог же сразу и всё в целом, и каждую часть по отдельности. К примеру, один писец переписывает ту же книгу быстрее, чем другой; тогда тот, кто сможет переписать бесконечно быстро, в один момент перепишет и всё в целом, и отдельные части вплоть до последней буквы. Делание Бога нельзя увидеть иначе, как в совпадении целого и частей. Глядя на части, видишь последовательность, в которой слагаемые предшествуют сумме; глядя на целое, видишь, что целое прежде [частей], поскольку часть - это часть целого: она

⁵⁷ Мф. 26, 39

⁵⁸ Лк. 22, 43-44; «в агонии» - синод. «в борении»; цсл. «в подвизе»

⁵⁹ о том, что на вершине Олимпа не бывает ни облаков, ни ветра сказано, например, у Исидора Севильского в «Этимологиях»: XIV, 4 (13)

⁶⁰ «anima ab aere...; aether a luce ignis» - см. там же у Исидора: XI, 1 (7-8); XIII, 5 (1)

⁶¹ ср.: «Компендий» XIII, 39

⁶² ср.: «Наука незнания» II, 9, 142-147; «Простец об уме» XIII, 145-150; «Берилл» XXIV-XXV, 35-39

⁶³ «creavit omnia simul» - Сир. 18, 1 (синод. «все вообще»; цсл. «все обще»)

⁶⁴ Пс. 113, 11; 134, 6

должна быть пропорциональна целому, иначе не была бы его частью, но пока нет целого, не получить и пропорцию части в этом целом. Но тогда очевидно, что без пропорции невозможно мыслить ни целое, ни часть, как и то, что пропорция части и целого [одновременно] и прежде [их обоих], и не прежде, ведь пропорции не бывает без отношения, а как может отношение быть безосновным? Следовательно, желающему увидеть интеллект делание Божие с необходимостью надлежит прибегнуть к совпадению целого и части⁶⁵.

Делание природы следует, сколько может, за деланием Бога (как и делание искусства [в свою очередь] за деланием природы), поэтому когда огуствовшему и готовому к формированию человека семени в матке приходит пора движением [отделившейся вместе с семенем от родителя формирующей] силы образовать собою человека, тогда все части формируются одновременно с целым. Однако делание природы достигает совершенства не одновременно со своим началом - в отличие от Бога, Чьи дела совершенны⁶⁶; для совершенства деланию природы требуется движение. Природа – это как бы орган, или рука, божественного интеллекта точно так же, как для человека его рука – тот орган, или орудие⁶⁷, что разворачивает в последовательности простоту нашего замысла. То же, что Бог делает сверхъестественным образом, т.е. без опосредования [природой], Он делает наподобие того, что делаем и мы, когда, телом присутствуя здесь, мыслью находимся в Риме (так Павел говорит о себе: «*отсутствую телом, присутствую духом*»⁶⁸), т.е. движение воли не [растянуто] в последовательность, в нём начало совпадает с концом. Но если моя воля изволит оказаться в Риме [ещё и] телесно, то мне придётся осуществлять эту волю посредством последовательного движения, воспользовавшись ногами как орудием такого осуществления, и т.д.

15. Отсюда получаем, что сердце появляется в эмбрионе не прежде других членов. Что так необходимо должно быть, тебе станет вполне понятно, когда согласишься на взаимосвязь членов, на то, как из лёгкого через фистулу сердце притягивает к себе воздух, а из печени через вену кровь, в то же самое время посылая в эти члены назад животворящий дух, - и так во всём остальном. А чтобы такое стало возможно, эмбриону нужно сделаться частью материнской утробы, и до достижения совершенства не иметь собственной души, а обладать лишь отделившейся от родителя вместе с семенем силой. Эту силу, чтобы начать действовать согласно собственной природе, разогреваема, подобно силе семени в яйце под насадкой, материнским теплом⁶⁹.

16. Заметь что рассудок [он же разум, ratio] не выходит за пределы множества и величины, поскольку бесконечного рассудок не достигает. Рассудок видит все вещи в аспекте множества и величины, т.е. видит их дискретными и

⁶⁵ ср.: «Простец об уме» X, 127

⁶⁶ Втор. 32, 4

⁶⁷ ср.: Аристотель, «О душе» III, 8 431 a1-2: «душа – орган органов [или: орудие орудий]»

⁶⁸ 1 Кор. 5, 3

⁶⁹ ко всему рассуждению про эмбрион в §§14-15 см.: Фома Аквинский, «Сумма против язычников», II, 89

определёнными в этом аспекте, но поскольку эта дискретность множества и величины абстрагирована от «вот этого» [слитного] количества, конкретизирующего число и величину материально, взор рассудка тем самым поднимается над воображением. Воображение ведь имеет дело с величиной и множеством только как с количеством количественной вещи; увидеть величину и количество в пределах этой способности без того, чтобы вообразить себе количественную вещь, невозможно. Рассудок же, не воображая себе количественной вещи, видит величину без великой вещи и множество без многих вещей, и называется такое видение математическим. Физическое видение имеет место посредством ощущения; математическое – посредством рассудка; божественное – посредством ума (per mentem). Ум не ограничен множеством и величиной, но есть начало множества и величины, будучи абсолютной мерой, инструментами которой множество и величина являются⁷⁰. Отсюда видно, что рассудок есть орган ума, а воображение – орган рассудка, в том смысле, в каком зрение можно назвать предназначенным для ощущения цветов инструментом общего чувства⁷¹.

Впрочем, подумай [над этими словами], и если они тебе не покажутся удачными, не принимай; пусть сказанное пока так не исключает и более точного осмысления.

17. Отметь слова святого Фомы в «Разыскании истины»⁷²:

«Предметы видения телесного, т.е. ощущающего, и духовного, т.е. воображающего, суть акциденции, из которых слагается некий [внешний] образ, или фигура, вещи. Предмет же интеллекта – это сущность вещи, пусть он и познает сущность вещи через её подобие; последнее для него средство познания, а не предмет, к которому он в первую очередь устремляется»⁷³.

«Всякий познающий, поскольку он познающий, уподобляется познанному. Так ум, познающий Бога, соединяется с формой (conformatur) Бога»⁷⁴.

Ещё: «в познании, каким ум познает самого себя, Троица представлена по аналогии, поскольку познающий себя ум рождает из себя слово, а от обоих исходит любовь». Но «сильнее подобие Троицы выражено в том, как он познает Бога», и «преимущественно, когда рассматривает себя как образ Божий; тогда его рассмотрение не застревает на себе, но устремляется к Богу»⁷⁵.

⁷⁰ ср.: «Теологические дополнения» 11; «О равенстве» 10; «О бытии-возможности» 62

⁷¹ «общее чувство» - см.: Аристотель, «О душе» III, 2 426 b 12-29;

⁷² ниже – выдержки из Фомы Аквинского, «Об истине», q. 10

⁷³ a.4 ad 1

⁷⁴ a.7 corp.

⁷⁵ ibidem

То же: «Когда мыслим душу, мы не изготовляем себе некоего изобразительного подобия (simulacrum) души для разглядывания, что бывает при воображающем видении, но имеем в виду саму сущность души. Такое видение, однако, происходит не без некоей идеи (species)»⁷⁶.

То же: «Из того, что душа познает всеобщие природы вещей, делается понятна нематериальность идеи, посредством которой мы мыслим, ибо в противном случае, став индивидуализированной, она тогда не приводила бы к познанию всеобщего. Отсюда устанавливаем независимость интеллекта от материи»⁷⁷.

То же: «Мысль о чём-то [ином] идёт прежде мысли о себе как мыслящем. Тем самым душа приходит к действительному восприятию собственного бытия через мышление и ощущение [чего-то иного]»⁷⁸.

То же: «Смысл (rationem) образа получает окончательное совершенство в подобии, однако удовлетворяет смыслу образа не любое попавшееся подобие, но подобие предельно выраженное, в котором нечто воспроизведено в соответствии со смыслом своей идеи. Поэтому среди телесного образы вещей усматриваются скорее в фигурах как в собственных знаках [той или иной чувственной] идеи, чем в цветах и прочих акциденциях»⁷⁹.

⁷⁶ a.8 ad 2 contra

⁷⁷ a.8 corp

⁷⁸ a.8 corp.

⁷⁹ a.7 corp